

Глава 21.2. Свадьба!

Невесты в такой день обычно почти не ели и не пили, потому что боялись неудобств во время церемонии, ведь нормально поесть можно было только уже в брачной комнате. Но Цзян Нин не переживал: родительский дом и новый дом разделяла всего одна стена, да и свадебный наряд был летний, не слишком тяжёлый.

Он снова посмотрел в зеркало. Его и без того красивое лицо с этим цветочным узором стало выглядеть ещё более притягательно, с лёгкой томной изысканностью. Ван Сююнь рядом не переставала восхищаться. Она хвалила внешность Цзян Нина, мол, в деревне таких не сыскать, и мастерство Ли Цзяоэр тоже превозносила, уже прикидывая, что на свадьбу своей дочери и младшего гера стоит позвать её, даже если придётся потратиться.

Ближе к полудню несколько женщин и геров из свадебной прислуги принесли Цзян Нину корзинки с паровыми пельменями. Они были совсем маленькие — как раз на один укус, чтобы не запачкать праздничную одежду.

Отдельно подали еду для Фэн Гуйчжи, Ли Цзяоэр и жены старосты Ван Сююнь.

Сама свадьба должна была состояться на закате, а главный пир — вечером, в новом доме. Но семья Цзян днём накрыла шесть-семь столов для помощников и всей свадебной прислуги.

Конечно, эти блюда не шли ни в какое сравнение с вечерним банкетом, но и формальными их назвать было нельзя. Для сидящих в внутренней комнате подали: тарелку жареного свиного кровяного тофу с чесночными стрелками; большую миску нежного парового омлета, приправленного соевым соусом и кунжутным маслом; тарелку хрустящих овощных шариков во фритюре с чесночным соусом; миску тушёной капусты с лапшой и ломтиками свиной грудинки.

В конце каждый получил сладкий рисовый напиток и по миске белого отборного риса. Порции были не слишком большие, но в итоге получился полноценный обед — четыре блюда и суп.

Ван Сююнь, глядя на стол, смущённо потёрла руки о подол:

— Вот уж и мне снова выпала участь хорошенько поесть ...

— Ну что вы, это само собой! Только не подумайте, что у нас тут всё слишком скромно, — Фэн Гуйчжи за весь день не переставала улыбаться. То, что жена старосты согласилась стать «женщиной полного счастья» для Нин-гера, уже само по себе было честью для их семьи. Какие тут мелочи вроде еды?

Вот только Нин-гер, наоборот, сегодня не мог как следует поесть. Фэн Гуйчжи зачерпнула ложкой немного парового омлета и, велев Цзян Нину вытянуть шею, аккуратно положила ему кусочек еды в рот, чтобы соус не капнул на одежду.

Цзян Нин, поглаживая на себе свадебный наряд, жуя, пробормотал:

— Вот уж правда... жениться — такое хлопотное дело...

Только вот интересно, у этого Шэнь Да-лана сейчас такие же хлопоты, как у него самого?

Вообще-то подавать еду в комнату Цзян Нина и сопровождать его должны были женщины и геры из родни. Например, жёны и дочери братьев Цзян Фушэна или родственницы со стороны

семьи Фэн. И эту хорошую еду полагалось «перехватить» именно своим.

А все эти «свои» были остановлены у входа Цзян Дином: их только приглашали сесть за стол, но к делам в комнате не подпускали вовсе.

Цзян Сишэн кипел от раздражения:

— Что этот третий брат вытворяет? Нас, родню, будто воры какие, сторожит! Нин-гер женится, а мы, дяди да тётки, пришли помочь! И что, зря пришли, выходит?

Цзян Дин не злился, а лишь добродушно улыбнулся:

— Да что вы такое говорите? Просто у меня, как у старшего брата, есть связи, вот мы и пригласили целую команду из города, из «четырёх управлений и шести служб», они всем и занимаются. Не нужно утруждать дядюшек и тётушек. У них свои порядки, если две команды работать будут, то только путаница выйдет. Четвёртый дядя, лучше присаживайтесь и ждите, пока подадут вино.

Цзян Сишэн не мог смириться. Он же видел, что сегодня мясник из Люшугоу привёз в дом Цзян целую свинью! Чтобы в такой счастливый день не проливать кровь, её зарезали заранее там, в Люшугоу, и уже разделанную доставили на телеге.

Если бы ему дали хоть немного поучаствовать в приготовлении, он бы обязательно прихватил домой хотя бы свиную ногу. Натереть солью, засолить и можно было бы не один раз вкусно поесть.

Но задний двор был плотно окружён людьми из тех самых «четырёх управлений и шести служб». Ему просто не пробраться. А если начать скандалить на свадьбе Цзян Нина из-за такой мелочи, то виноватым окажется именно он. Всё-таки это его племянник... нельзя же портить ему праздник.

Своего лица он не особо боялся потерять, но у него дома подрастали сыновья и геры. Им уже давно пора думать о браке. Если сейчас опозориться и испортить репутацию, то потом никто не захочет родниться с их семьёй.

— Пришёл, называется! Только нервы себе испортил! — сердито бурчал Цзян Сишэн. — Ни выгоды, ни толку. Знал бы — как второй брат, вовсе бы не пришёл!

Семья Цзян Гуйшэна и правда не пришла. Или, точнее, до этого момента они всё ещё думали: неужели Цзян Шуйшэн действительно их не пригласит? Они сидели дома, ожидая, что тот передумает и придёт извиняться. Но время шло, солнце клонилось к закату, а надежда таяла.

— Хорош, хорош третий брат! Крылья отрастил, да? Осмелился не звать меня! — Цзян Гуйшэн в ярости разбил дома миску. О займе денег теперь можно было забыть... а если они не придут на свадьбу Цзян Нина, то что скажут в деревне?

Но больше всего его тревожило другое: он понял, что Цзян Шуйшэн больше не зависит от них, от братьев, не поддаётся их давлению и не даёт себя контролировать.

...

А деревенские в это время уже и думать забыли о том, пришла ли семья Цзян Гуйшэна или нет. Все их мысли были заняты приданым Цзян Нина!

— Вот уж семья Цзян, третий брат с женой не поскупились!

— Да у них и так деньги есть, не то что у нас. У нас лишний кусок ткани выкроить трудно.

— Эх, вот бы и мне на свадьбу родители хоть пару кусков шёлка приготовили...

Новый дом стоял совсем рядом с двором семьи Цзян. Они не стали устраивать показуху с повозками или носилками, чтобы объезжать деревню и хвастаться. Чуть после полудня Цзян Шуйшэн велел молодым крепким парням из «четырёх управлений и шести служб» перенести приданое Цзян Нина во двор нового дома.

Приданое перенесли туда, но в комнаты заносить не стали. Работники разложили под навесом вещи и открыли сундуки, чтобы деревенские могли всё рассмотреть.

В те времена приданое считали «носилками»: полный комплект — шестьдесят четыре, половина — тридцать две*. У простых деревенских на свадьбе и шесть-восемь носилок уже считалось немалым достатком. Изначально «одна носилка» означала одну вещь, которую несли вдвоём. Так что кровать, стол или шкаф считались по одной, как и, скажем, несколько одеял вместе.

* В Древнем Китае вещи, которые приносили невесте в приданое, часто переносили на специальных носилках — длинных деревянных дышлах, которые держали несколько человек. Поэтому «носилка» стала единицей измерения приданого. То есть: 1 носилка = 1 комплект приданого, который несколько человек могли нести. «полный комплект — 64», это значит весь набор мебели, тканей, посуды, украшений и т.д. насчитывал 64 носилки. «Половина — 32» — половина такого набора.

Крупные вещи семья Цзян уже заранее перенесла в новый дом. Утром Ван Сююнь, как «женщина полного счастья», даже застелила там постель.

А те десять носилок, что теперь выставили под навесом, состояли сплошь из больших деревянных сундуков, покрытых красным лаком. Даже не заглядывая внутрь, деревенские уже восхищались: видно было, что дерево добротное, а лак нанесён ровно и густо.

Многие уже даже решили: когда придёт время готовить приданое или выкуп для своих детей, надо будет заказать сундуки у Цзян Аня.

Когда сундуки открыли, внутри оказались в основном рулоны ткани, а также новая одежда и обувь, которые Фэн Гуйчжи в последние дни шила для Цзян Нина, целые наборы посуды — чашки, тарелки, чайники — и прочие свадебные вещи.

— Ох ты ж... — стоило показать ткани, как у людей зарябило в глазах, особенно от шёлков. Всё, что прислал Шэнь Юньчжоу, кроме еды, Фэн Гуйчжи не оставила у себя, а отдала Цзян Нину в приданое. Больше десятка рулонов ярких тканей лежали вместе. Несколько детей потянулись было потрогать шёлк, но родители тут же отдёрунули их.

Фэн Чэнэр протиснулась в толпу девушек и геров, пришедших посмотреть приданое, и от зависти так сжала ладони, что они покраснели.

Она была дочерью старшего брата Фэн Гуйчжи. В детстве семья тёти жила бедно, и Цзян Пин с Цзян Нином выглядели как два худых ростка — и одевались, и питались хуже неё.

Но с возрастом всё изменилось: дела у тёти пошли в гору, и теперь те самые двоюродные

брatья и сёстры, что росли рядом, оказались словно небом и землёй.

Такие шёлка Фэн Чэнэр даже никогда не трогала. Когда они ездили в уездный магазин продавцы, глядя на их одежду, позволяли им касаться только грубых тканей — конопляных или из крапивы. Даже полушёлк неохотно показывали, боясь, что их шершавые руки испортят нежную материю.

А у Цзян Нина целые сундуки такого богатства!

У неё самой до сих пор ни приличного приданого, ни устроенного брака...

Почему же небеса так несправедливы?

Фэн Чэнэр взглянула на своё отражение в стоящей рядом кадке с водой. Она ведь не хуже Цзян Пина и Цзян Нина...

В груди у неё всё кипело от зависти.

И тут ещё рядом стояли какие-то наивные, простодушные девушки и геры, не переставая восхищаться приданым.

— Тебе так повезло! Вы же с Нин-гером родня! Если у него при раскрое ткани останутся обрезки, ты можешь попросить, и сошьёшь себе хотя бы туфли с шёлковым верхом. Он же такой щедрый, точно не откажет!

Фэн Чэнэр прищурилась. Не издеваются ли над ней? Но, посмотрев в глаза говорившего, вдруг поняла: тот гер искренне завидует ей.

Она зло глянула на него:

— И чему тут радоваться? Он в шелках ходит, а ты довольствуешься тем, что подберёшь обрезки на пару туфель? Вот уж достижение!

Сказав это, она резко развернулась и ушла.

Тот гер недоумённо смотрел ей вслед, не понимая, отчего она так рассердилась.

Разве это плохо? За просто так получить пару шёлковых туфель?

Фэн Чэнэр кипела от обиды и злости. Ей хотелось найти родителей. Правда, она и сама не знала, что им скажет — попросит ли такие же шелка себе в приданое?

И без того ясно: родители ей этого не дадут, ведь у них просто нет таких денег!

С тяжёлым сердцем она свернула за угол, в тихое место без людей и вдруг увидела, как её родители сцепились с людьми из тех самых «четырёх управлений и шести служб», приехавших из города.

— Я ей родной брат, что такого, если возьму немного? — Фэн-дацзю и его жена Цай тоже были полны злости. Они уже успели поесть за столами у семьи Цзян, а теперь всего лишь прихватили пару тарелок жареных овощных шариков и их тут же остановили. — Пусть вы и из уезда, но вас наняли на работу! Вы слуги! А я родственник, хозяин! Как вы смеее так со мной обращаться?!

Слова были грубые, но люди из «четырёх управлений и шести служб» даже бровью не повели. На их лицах всё так же держалась вежливая улыбка, но ответы оставались неизменными:

— Нельзя. Не положено. Невозможно.

Они работали в этой сфере не первый год и всякого насмотрелись: и тех, кто после вина устраивал сцены, и тех, кто давил своим положением, и тех, кто валялся на земле, устраивая скандалы. На их фоне Фэн-дацзю был сущим пустяком.

Фэн Чэнэр почувствовала, что чем спокойнее держатся те люди, тем более позорно выглядят её родители. Ей хотелось подойти и уговорить их остановиться... подумаешь, какие-то овощные шарики! Вечером на пиру можно будет унести что-нибудь более ценное!

Но она боялась, что родители не послушают и ещё отругают её в ответ. Она как раз колебалась, когда вдруг увидела, как к ним быстрым шагом подошёл высокий, ловкий юноша:

— Дядя, тётя, вы чего? Сегодня у нас в доме праздник! К чему такие сцены? Пойдёмте, пойдёмте со мной...

Это был Цзян Дин.

Фэн-дацзю всё ещё не хотел униматься, но Цзян Дин уже мягко увёл его прочь.

Тот всё бормотал:

— Ну и помощников ты нашёл! Совсем меня, родного дядю, ни во что не ставят! Я что, не могу у вас пару тарелок шариков взять?

Но Фэн Чэнэр уже не смотрела на отца, всё её внимание было приковано к Цзян Дину.

Он был на несколько лет младше неё. В детстве они почти не играли вместе, или, точнее, дети из семьи Цзян вообще не слишком любили игры: собирались кучкой и всё время о чём-то шептались.

В её памяти Цзян Дин оставался сопливым мальчишкой, вечно с насморком. Сначала он вытирал нос рукавом (за что его постоянно ругал Цзян Нин), а потом стал вытирать его о листья, а затем выбрасывать их.

В детстве Фэн Чэнэр почти не обращала внимания на двоюродного брата. Даже младшие в семье могли его одёргивать, он вечно бегал по поручениям, делал всё, что скажут... в общем, казался глуповатым.

Но сегодня она вдруг увидела: тот самый незаметный кузен вырос. Высокий, уверенный, умеющий справляться с делами... и к тому же красивый.

У четвёртой тётки теперь были деньги, и одежда на Цзян Дине тоже была добротной. Пусть и не такой яркой и модной, как у Цзян Нина или Цзян Пина, но ткань была хорошая, крой аккуратный, ни одной заплаты. Всё это придавало ему опрятный и подтянутый вид.

Он уже совсем не был тем грязным мальчишкой. Взгляд Фэн Чэнэр скользнул по его манжетам, воротнику, обуви — всё было чисто, безупречно.

Цзян Дин одной рукой обнял Фэн-дацзю за плечи, другой мягко подталкивал вперёд госпожу Цай:

— Дядя, если еды не хватает, то скажите мне и я принесу. Но с чужих столов брать нельзя, они ведь тоже гости...

Проходя мимо Фэн Чэнэр, он с улыбкой добавил:

— Я сейчас зайду на кухню и возьму дяде ещё одну тарелку. Не стоит из-за каких-то овощных шариков ссориться. Сегодня у Нин-гера свадьба! Подумайте о племяннике, не время сейчас давать волю эмоциям.

Он повернулся к Фэн Чэнэр:

— Сестрица Чэн, может, тоже пойдёшь к столу?

Фэн Чэнэр смотрела на его улыбающееся лицо и вдруг почувствовала, как у неё загорелись щёки. Она тихо кивнула.

<http://bllate.org/book/17138/1607223>